

Жужгина-Аллахвердян Тамара Николаевна, канд. филол. наук
доцент кафедры перевода Национального горного ун-та

Жужгіна-Аллахвердян Тамара Миколаївна, канд. філол. наук,
доцент кафедри перекладу Національного гірничого ун-ту,
(м. Дніпропетровськ)

СИМВОЛИКА «ХРАМА В СЕРДЦЕ» ВО ФРАНЦУЗСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1820-Х ГГ.

В статье романтическая символика храма и сердца рассматривается в аналитической традиции Г. Башляра. Французская романтическая поэзия перших десятиріч XIX ст. сохранила руссоистскую стилистику, однако актуализировала в новой мифопоэтической форме стихию человеческих чувств в их связи со стихиями природы и трансцендентностью.

Ключевые слова: храм, сердце, творческое воображение, мифопоэтика, символика природы, стихия чувств.

СИМВОЛІКА «СОБОРУ В СЕРЦІ» У ФРАНЦУЗЬКІЙ РОМАНТИЧНІЙ ЛІТЕРАТУРІ 1820-Х РР.

У статті романтична символика собору та серця розглянута в аналітичній традиції Г. Башляра. Французька романтична поезія перших десятиріч XIX ст. зберігла руссоїстську стилістику, але актуалізувала у новій мифопоетичній формі стихію людських почуттів в її зв'язку із природними стихіями та трансцендентним буттям.

Ключові слова: собор, серце, творча уява, мифопоетика, символика природи, стихія почуттів.

SYMBOLISM OF THE TEMPLE IN THE HEART IN FRENCH ROMANTIC POETRY OF THE 1820s.

This article is devoted to the French romantic poetry of the heart as a symbolical concept of nature and human senses and feelings in the tradition of J.J.Rousseau and in the light of G. Bachlard's theory.

Key words: poetry of the heart, human senses, poetical imagination, symbols of nature.

В основе романтической исповеди происходила символизация самых интимных состояний, любовного чувства, за образами которого стоял поэтизированный в веках женский идеал. При этом, как заметил Л.П.Карсавин, такое поэтическое самоуглубление еще не означало индивидуализм [5, с.181]. Но в поэзии В. Гюго, посвященной Жюльетте Друэ

(«Печаль Олимпио»), лирике А. де Мюссе, обращенной к Жорж Санд, ранних любовных стихотворениях А. де Ламартина романтически понятое «одинокство среди людей» и высокая чувствительность уже были глубоко персоналистичны. Влюбленное «Я» романтика отражало при этом «текущее от эпохи к эпохе содержание мифа», «мировоззренческую мудрость времени» и многозначность мифологического образа [6, с.24]. Романтики возродили идеал религиозной любви, в котором, как утверждал Л.П. Карсавин, земная любовь «одухотворялась и приобретала черты небесной, окружая женщину ореолом святости» [5, с. 181]. В символизме стихотворения «Храм» («Le Temple», 1818) Ламартина была сублимирована стихия человеческих чувств, за которыми стояла живая жизненная драма – болезнь и смерть реальной возлюбленной, а также собственная болезнь и переживания. Полуразрушенный, «приземленный», тяжеловесный храм символически вписанный в архитектуру небесных сводов («l'étoile précédant de la nuit le char silencieux, s'élève lentement dans la voute des cieux»), напоминает классическую пейзажную зарисовку с храмом в центре и одновременно является романтическим воплощением новалисовской идеи природы как храма. В то же время текст можно рассматривать как герметический дискурс, вытекающий из пифагорейского мифа о гигантском монохорде, струны которого соединяют землю с небом, и как искусствоведческий дискурс «всеобщей поэтики собора», лежащей в основе «неповторимой средневековой культуры». По словам В.С. Библера, бытие в храме и вокруг храма «есть изначальный, неделимый феномен средневековой культуры» и «мастер-каменщик соединяет в себе рядового прихожанина и Демиурга» [2, с. 135]. Французские романтики запечатлели и обновили этот средневековый дух и тексты зафиксировали за образом храма архетипное содержание «священного места и картины мира», «мимолетней временной протяженности» и «череды вечностей», священной и профанной истории [8, с. 52, 69–74], атрибута памяти о далеких цивилизациях – древнегреческой, римской, готической («Паломничество Чайльд Гарольда»

Байрона, «Рене» Шатобриана, «Монастырь» В. Скотта), символа воскресения («Гиперион» Гельдерлина). Здесь уместно вспомнить высказывания Мирче Элиаде о космологическом символизме христианской базилики и Собора, его мысль и том, что «храм одновременно отражает и заключает в себе мир» [8, с. 44]. В стихотворении «Бессмертие» Ламартин подводит итог своим переживаниям: «La nature est ton temple» («Природа – твой храм») [7. с. 334].

Параллельно и иногда по контрасту с темой храма как отражения мироздания и мистического центра в романтизме получает развитие мотив монастыря. В творчестве Ш. Нодье («Трильби»), П. Мериме («Души чистилища»), О. де Бальзака («Эликсир долголетия») монастырь есть и прибежище от пороков и грехов и его средоточие. Гофман в «Эликсирах сатаны» гротескно описывает стилевую путаницу в замковом ансамбле и представляет эклектику античного и готического как символическое противоположение двух культурно-исторических миров. У Стендаля («Красное и черное», «Пармская обитель») мифопоэтика храма приобретает значение «трагического средоточия жизненной энергии и любви», у Нерваля («История Царицы Утра») и Жорж Санд («Странствующий подмастерье») в теме каменщика, работающего над сооружением храма, воплощена идея культурной, художественной силы и гениальности.

Тенденция сближения поэзии и архитектуры, а также сравнения античного и готического архитектурных сооружений, получившая развитие в трудах братьев Шлегелей, – хрестоматийный пример «встречи двух культур» и «двух голосов одного сознания». По признанию Шатобриана, архитектура преподавала ему исторический урок и мир стал для него «огромным музеем». Однако французский исследователь П. Моро считает, что теория готики Шатобриана «годится только для его собственного пользования». Однако шатобриановская «символическая интерпретация собора помогла открыть его настоящий смысл и смысл мистической поэзии». Метр французского романтизма видел характерную связь между

архитектурой, климатом региона и народным гением («Готические церкви», «Дух христианства») [10, с. 55]. «Знаменитые страницы» о христианском архитекторе, который запечатлел в камне и бронзе шум ветра, стон и шепот леса, раскаты грома, столетия истории, которые «источают античные голоса и вздыхают в стенах базилики», в то время как «подземные своды смерти безмолвствуют» возрождают мотив мистического таинства, соборной инициации.

В. Гюго, как и Шатобриан, отмечал особую соразмерность и гармоничность готического собора, которая, как известно, основывалась на строгих геометрических пропорциях. В романе «Собор Парижской богоматери» собор становится «центром жизни» и символом бессмертия и величия духа в противовес «преходящим человеческим слабостям». С.Н.Зенкин полагает, что в романе Гюго идея собора как «центра жизни» «перелицована» в идею артефакта и ставится альтернативный вопрос: жизнь вокруг средневекового сооружения или вокруг древнегреческого слова-текста «Απάνκη», начертанного рукой средневекового человека на соборе-артефакте. А это значит, что слово, текст «резюмирует главное содержание всего романного сюжета» [3, с. 48], подчеркивает главенствующее значение Слова. «C'est sur ce mot qu' on a fait ce livre» [11, с. 29]. Это вечные Слово и Текст.

В стихотворении «Храм» Ламартин воплощает сходную идею. Обветшалые руины символизировали, с одной стороны, величие духа, с другой, – смертность и распадение рукотворного, артефакта. Но готико-романтический интертекст (обветшавшие руины, заброшенный храм) питается концепцией храма как застывшей идеи, связующей «земную юдоль» с Богом и вселенной. Образам живописного кладбища, увиденного в сумерках, печальных «одиноких руин» заброшенной людьми церкви (*champs funéraire, des tombeaux du village humble dépositaire, des morts profans la poussière, humble pierre*), символизирующим идею распада-разрушения вещного и телесного, полярно противопоставлен дышащий гармонией

неуловимого, не принадлежащего «земной жизни» духа храма. Мир «зыбких чувств» и смутной мечты отступает, и поэт-путник попадает в сакральное пространство вечности с храмом в центре и в состоянии благоговения и умиротворенного покоя описывает свое переживание как «измененное состояние сознания», как творческое озарение и поэтическую инициацию. Ламартин черпал трансцендентальные «воздушные» идеи и образы в сентиментализме, находящегося под влиянием поэзии В.Гилпина (Gilpin W. *Observations relative chiefly to Picturesque Beauty, 1724–1804*) [4, с.150–152]. Ламартиновский медитативно-созерцательная дискурсивность отчасти напоминает живописание путешествий Дж. Байрона и Р. де Шатобриана и оссиановскую манеру в передаче освещения, контрастов света и тени, разнообразия красок, степени прозрачности атмосферы, сумерек, туманов, бесформенности воздуха. Но в «Паломничестве Чайльд Гарольда» образ пилигрима уже утратил старинный сакральный смысл, а путешествие обозначало этап воспитания и взросления молодого европейца-интеллектуала, почитающего античность. В таком же срезе следует видеть и текст Шатобриана о посещении Рене греческих руин и развалин Колизея. Как отметил Оро, «на развалинах Рима и Греции, повествователь, роясь в преступной пыли прошлого, ощущал слабость человека..., понимал ничтожность славы..., ничтожность созидания, влекущего за собой испорченность нравов; и повсюду – величие сердца, стремящегося к бессмертию» [9]. В «Мучениках» развалины Колизея символизировали нравственную победу христианства над язычеством. Таким образом, в романтической мифопоэтике образ храма как средоточия духа слит воедино с образом сердца и является важнейшей составляющей многофункциональной парадигмы трансцендентного Молчания-бессмертия-вечности, категории вселенского масштаба, символа соития человека с природой и вселенной, «тайной бытия», сакральным временем (*murs sacrés, saints autels*), в котором любовь к женщине указывала путь к очищению и воскресению.

Источники и литература

1. Башляр Г. Грезы о воздухе. Опыт о воображении движения / Г. Башляр. – М.: Изд-во гуманит. лит., 1999.
2. Библер В.С. На гранях логики культуры / В.С. Библер. – М.: Рус. феноменол. о-во, 1997. – 440 с.
3. Зенкин С. Н. Французский романтизм и идея культуры / С. Н. Зенкин. – М.: РГГУ, 2002. – 288 с.
4. Жирмунский В.М. Из истории западноевропейских литератур. Избранные труды / Отв. ред. М.П. Алексеев, Ю.Д. Левин. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. – 303 с.
5. Карсавин Л.П. Культура средних веков. – К.: Символ–Artland, 1995. – 198 с.
6. Стадников Г.В. Мифология в поэтической системе Г. Гейне // Литература и мифология. – Л.: ЛГПИ, 1975. – С. 24.
7. Французская элегия XVIII – XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. – М.: Радуга, 1989. – 687с.
8. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
9. Aureau V. Chateaubriand. – P., 1995.
10. Lagarde A., Michard. L. XIX siècle. Les grands auteurs français. – P., 1969.
11. Hugo V. Notre-Dame de Paris. – P.: Garnier–Flammarion, 1967.